

А. Н. СТЕПАНОВ

<«Да, никак, оно живое!»>

Водоизмещением около семи тысяч тонн, трехпалубный, высокобортный, с массой наружных построек, крейсер «Диана» был спущен на воду в 1899 году уже устаревшим, вследствие затянувшейся более пяти с лишним лет постройки. Он был слабо вооружен, имел малый ход, плохо слушался руля и часто рыскал на курсе. Все это вызывало презрительное отношение всей эскадры к этим «богиням отечественного производства», как «Диана» и «Паллада» величались в Артуре.

Матросы же называли свой крейсер просто «Дашкой». Командовал «Дианой» в день выхода эскадры из Артура капитан второго ранга светлейший князь Ливен¹, из остзейских дворян. Он относился с глубоким презрением ко всему русскому и к самим русским. Даже с офицерами он разговаривал весьма редко и не иначе, как цедя слова сквозь зубы. С матросами же его разговор ограничивался самой забористой матерной руганью, так как, по мнению его светлости, матросы никаких других слов не понимали.

Старшим офицером на «Диане» был капитан второго ранга Семёнов². Невысокого роста, толстый, коротконогий, круглоголовый, он с утра до вечера катался шариком по всему крейсеру. Суетливый и мелочный, он способен был свести с ума своими придириками не только матросов, но и офицеров.

Оба начальника создали такой режим на «Диане», что скоро по всей эскадре матросы говорили о крейсере как о каторжном корабле.

Офицеров подбирал себе Ливен только из числа имевших твердо установившуюся репутацию беспощадно строгих начальников.

Так, перед самым выходом эскадры на крейсер был назначен с погибшего миноносца «Лейтенант Бураков» прославившийся на всю эскадру своей жестокостью в обращении с матросами лейтенант Колчак.

В ночь перед выходом «Диана» несла дежурство на внешнем рейде и стояла у прохода. Пропустив всю эскадру, она заняла место концевой в отряде крейсеров.

Во время первого боя на «Диане» никаких потерь не было. Только когда адмирал Того обрушился на концевые крейсера и вокруг них начали падать в большом количестве снаряды, слабые нервы светлейшего командира «Дианы» не выдержали, и он, не ожидая приказа своего флагмана, повернул в противоположную от противника сторону и поспешно вышел из-под обстрела.

Команде дали повахтенно ужинать, офицеры же, кроме вахтенных, сошли в кают-компанию.

— Ставлю два флакона Мумма по случаю наших боевых успехов! — объявил Семёнов, председательствовавший за столом.

— Не сглазьте, Владимир Иванович, — суеверно остановил его один из офицеров, — день ведь еще не кончился.

— Вечером выпьем за последующие успехи, — отозвался Колчак.

Вестовые разнесли шампанское. Вино вскружило головы, настроение поднялось. Офицеры начали бахвалиться, вспоминая минувший бой.

— Наш светлейший без команды повернул и пустился наутек, когда жареным запахло, — съязвил Колчак.

— Зато вы, Александр Васильевич, развили такой огонь³, что небу стало жарко! Сразу напугали Того, — отозвался Семёнов.

Наверху пробили боевую тревогу. Все бросились по своим местам. Японская эскадра, нагнав русских, начала новый бой. Крейсера не принимали в нем участия, оставаясь лишь зрителями происходящего.

Ливен, как всегда молчаливый, с презрительной усмешкой на своем холеном аристократическом лице, наблюдал с ходового мостика за разворачивающейся перед ним картиной. Мимоходом забежавший на мостик Семёнов пытался было завязать разговор.

— Нелепая вещь эта война. Я был в дружеских отношениях с командиром «Микасы», флагманского корабля Того, капитаном Номото⁴. Не раз мы вместе пили шампанское в нагасакских кабаках, а теперь только о том и думаем, как бы поскорее уничтожить друг друга, — сказал он, обращаясь к своему командиру.

Но Ливен продолжал молчать, и старшему офицеру ничего не оставалось, как поскорее исчезнуть с мостика.

Как только «Аскольд» ринулся на прорыв, обгоняя наши броненосцы, «Диана» последовала было за ним, но замешкалась и стала прорезать строй броненосцев, едва при этом не столкнувшись с «Пересветом». Японцы открыли по идущим в беспорядке русским судам усиленный огонь. Один из снарядов угодил в правый шкафут и разбил стрелу Темперлея, снес вентиляционные трубы, разворотил дымовую трубу.

Одновременно осколками было взорвано несколько патронов в батарейной палубе и убито и ранено около двадцати человек, в том числе командир батареи — мичман Кондратьев. Начавшийся пожар стал быстро распространяться, грозя перекинуться в нижние патронные погреба.

Семёнов с пожарным дивизионом кинулся тушить огонь, но в это время взорвалось еще несколько патронов. Матросы в ужасе разбежались. Чем бы все кончилось, неизвестно, если бы новый, попавший около ватерлинии снаряд не сделал огромной пробоины в борту. Хлынувшая сквозь нее вода быстро прекратила огонь. По колено в воде, матросы, бросились заделывать образовавшуюся пробоину. Едва они успели с ней справиться, как новый крупный снаряд попал в расположенный под лазаретом отсек, который быстро наполнился водой. Вода снизу подняла палубу лазарета. С треском срывались метлахские плитки, устилавшие пол. Сквозь образовавшиеся щели начали выбиваться вверх небольшие фонтанчики.

Тем временем «Диана» успела уже миновать эскадру. Впереди ясно виднелись бешено отстреливавшиеся от неприятеля «Аскольд» и «Новик». Ливен призадумался. Ему совсем не улыбалось попасть в такую же перепалку, как два передовых крейсера, и он резко скомандовал:

— Право руля!

«Диана», круто повернув влево, вступила в кильватер идущему за эскадрой крейсеру «Паллада».

— Нам не угнаться за адмиралом, — как бы в свое оправдание пояснил Ливен стоящему рядом Колчаку.

— Но мы нарушаем приказ адмирала следовать за ним! — возразил лейтенант.

— Не всегда бывает возможным выполнять распоряжения начальства. Я все же посоветуюсь со старшим офицером. Вызвать его ко мне! — приказал одному из ординарцев Ливен.

Через несколько минут на мостике появился запыхавшийся Семёнов. Узнав, в чем дело, он, как хитроумный Улисс, предложил компромиссное решение:

— Сейчас мы последуем за эскадрой, а когда наступит темнота, оторвемся от нее и попробуем самостоятельно прорваться во Владивосток.

Оправдание было найдено...

Наступила ночь. Русская эскадра в полной темноте шла курсом на Артур двумя кильватерными колоннами — справа «Пересвет», «Победа», «Полтава», «Паллада» и «Диана», слева, далеко впереди — «Ретвизан», и за ним «Севастополь» и концевым — «Цесаревич».

Справа из темноты неожиданно появились чуть заметные силуэты небольших судов, быстро приближающихся к крейсеру. На них

мелькнули красноватые огоньки минных выстрелов, после чего, резко повернув обратно, миноносцы скрылись во тьме. Море в эту ночь светилось особенно ярко, и подводное движение мин было хорошо заметно. Вот недалеко от «Дианы» появились две слабо светящиеся точки, приближающиеся к крейсеру.

— Право руля! — нервно скомандовал Ливен.

«Диана» медленно поворачивалась кормою к идущим торпедам. Три сотни пар человеческих глаз с трепетом следили с корабля за все более увеличивающимися и быстро приближающимися светлыми пятнами. У всех была одна и та же мысль: «Попадет торпеда в крейсер или пройдет мимо?» Зловещие пятна приближались. Еще секунда — и они коснутся корпуса корабля, и тогда над ним высоко взметнется столб пламени, раздастся грохот взрыва, полетят во все стороны осколки, и десятки тонн воды обрушатся на палубу. Но торпеды уже попали в струю воды, отбрасываемую винтами, она их отталкивает, мешает их движению. Торпеды начинают замедлять свой ход, а затем и вовсе теряются за кормой. Опасность миновала, и из сотен человеческих грудей вырывается вздох облегчения.

Теперь идти вместе с эскадрой стало опасно, поскольку на нее обрушились многочисленные миноносцы японцев. Сообразив это, Ливен положил право руля и полным ходом пошел на юг, стараясь возможно скорее выйти из опасной зоны. Но по дороге все же не удалось избежать нападения. Пробили отражение минной атаки. Матросы бросились к мелкокалиберным орудиям. Блеснул золотисто-зеленоватый свет, раздался сухой, резкий выстрел трехдюймовок.

— Ваша светлость, ради бога, прекратите огонь! — истошным голосом закричал с палубы Семёнов. — Мы этим будем только привлекать к себе неприятеля. Орудия замолкли. Позади показался идущий в кильватер «Диане» миноносец. Сперва его приняли за японский и внимательно следили за ним. Но он не обнаруживал никаких враждебных намерений. Тогда рискнули запросить его позывные. Через мгновение замелькали ответные огоньки.

— «Грозовой»! — доложил сигнальщик.

Миноносцу предложено было подойти к крейсеру.

— Вы куда намерены двигаться? — справился Ливен у командира «Грозового» лейтенанта Бровцына.

— До Владивостока у меня не хватит угля, поэтому я думаю сперва побывать в Циндао, принять полный запас воды и угля, а затем идти по назначению.

— Избави вас бог заходить в Циндао, — неожиданно вмешался откуда-то из темноты Семёнов. — Около него нас, наверно, подстерегают японцы. Надо идти возможно дальше. Быть может, даже в Россию.

— Едва ли нас за это похвалит, — спокойно отозвался мягким баритоном Бровцын. — Одним словом, — куда вы, туда и я.

— В таком случае прошу вас следовать за мной, — распорядился Ливен.

— Есть! — отозвался командир миноносца, и «Грозовой» отошел.

На море поднялся туман, и крейсер окончательно затерялся в нем. Команде разрешили спать посменно. Ливен, позевывая, передал командование Семёнову и ушел отдохнуть.

Семёнов в ходовой рубке при слабом свете лампочки, освещавшей компасную катушку, делал заметки в записной книжке, в героическом духе живописуя свою роль в сегодняшнем бою. Его круглое, полное лицо было сурово нахмурено. Он то и дело прикладывал руку ко лбу, вспоминая различные перипетии минувшего дня.

— Что это там пузырь на ножках пишет? — шепотом спросил старший сигнальщик у ординарца, примостившегося недалеко от боевой рубки.

— Верно, кто в чем сегодня провинился. Только что приходил с докладом боцман. Наябедничал на кого-нибудь.

— Дал бы бог целыми домой добратся, женку с детьми повидать...

— Князь наш вместе с пузырем — оба норовят где поспокойнее.

— Нет, пузырь за чином или крестиком к черту на рога полезет!

Матросы замолчали.

На крейсере воцарилась тишина. Только вахтенные сигнальщики из самых глазастых бодрствовали на мостике вместе с рулевыми и старшим офицером. С юга пошла крупная зыбь, от которой крейсер давал размахи до семи градусов на сторону. Навстречу «Диане» теперь попадались лишь китайские джонки. Сфера военных действий осталась позади.

Уже за полночь на палубу поднялся подвыпивший Колчак и, спотыкаясь в темноте на каждом шагу, стал выбирать место для ночлега. Блуждая по кораблю, он забрался на кормовой мостик, куда складывали на разостланный брезент тела убитых и умерших от ран. Их было всего несколько человек, и рядом оставалось много незанятого места. Лейтенант сложил свободный брезент в несколько раз и, хладнокровно улегшись с мертвецами, тотчас же уснул.

Среди ночи санитары принесли нового покойника. Приняв Колчака за труп, они решили, что неудобно класть офицеров вперемешку с матросами, — хотя и мертвое, но все же начальство! Схватив лейтенанта за плечи и за ноги, санитары довольно бесцеремонно поволокли его в сторону. Но тут «покойник» энергично вырвался из рук и разразился самой отчаянной руганью.

Санитары в ужасе отпрянули.

— Да, никак, оно живое! — с испугом проговорил один из них, в чем тотчас же окончательно убедился, получив здоровенную затрепину.

Другой санитар поспешно сбежал с мостика и спасся от побоев. Разобрав, в чем дело, Колчак помог санитару уложить принесенный труп, сложил ему руки на груди и, понюхав воздух, проговорил:

— Кажется, еще не воняет?

— Никак нет, совсем свеженький, всего с четверть часа как представился, — отозвался санитар.

— Поправь-ка, братец мой, брезент, чтобы мягче было спать, — приказал лейтенант и, отпустив матроса, продолжал неожиданно прерванный сон⁵.

С наступлением дня, после детального осмотра всех имеющихся повреждений, на мостике был собран военный совет, чтобы решить, что дальше делать, куда идти. Разглагольствовал больше всех Семёнов. Он убеждал идти в один из французских портов.

— Они наши друзья и союзники. Мы у них найдем и приют и помощь. А там попытаем счастья и попробуем прорваться во Владивосток. Или же нам поручат проведение крейсерских операций на путях к Японии. Тоже дело не плохое, — убеждал он.

— Но ведь ближайший французский порт — Сайгон. Он у чёрта на рогах. Да у нас и угля не хватит дойти туда, — возразил старший механик Кунст.

— Остановим первый встречный коммерческий пароход, перегрузим с него уголь, оставим ему только до ближайшего порта. Правительство потом заплатит за все, — ораторствовал старший офицер.

Ливен не замедлил присоединиться к его мнению. Сайгон был совершенно в стороне от театра военных действий. Трудно было ожидать появления там японской эскадры.

— Приказываю следовать в Сайгон, — проговорил князь официальным тоном.

— Есть идти в Сайгон! — тотчас же вытянулся Семёнов.

Через две недели «Диана» пришла в Сайгон, до которого было вдвое дальше, чем до Владивостока. Там она разоружилась.

